

БАКТРИЯ
Культурный Центр

ОКНО
Бюллетень Бактрии

Там, где встречаются
люди и творчество

МАРТ | 2011

Выпуск 1

В этом выпуске:

Снова в эфире!

| 2

Увидеть музыку

| 3-4

**Художественное образова-
ние в Центральной Азии.
Наброски к решению про-
блемы.**

| 5-7

Бал на все времена...

| 8

Снова в эфире!

Дорогие друзья,

Мы рады представить вам первый в 2011 году выпуск нашего бюллетеня. Должны признать, что по целому ряду причин мы долгое время не общались с вами в формате нашего некогда регулярного бюллетеня. Теперь вы вновь сможете получать наши новости, скачивая «Окно» с интернет-сайта Бактрии. Это значит, что у нас есть чем поделиться. За прошедший период, не снижая темпов бурной культурно-образовательной деятельности, наш Культурный Центр «Бактрия» остаётся полюсом активности, в частности в том, что касается практик современного искусства в Таджикистане, что делает нашу страну ближе к мировой арт-сцене. В этой связи необходимо вспомнить недавно состоявшуюся летнюю школу по современному искусству, собравшую лекторов и экспертов как центрально-азиатского, так и мирового уровня.

Столь дорогой «Бактрии» принцип творческой лаборатории доказал свою созидательную силу. Благодаря этому, в Душанбе состоялись аудио-визуальные шоу с применением инновационных практик в сфере импровизационного видео и музыки. Обращая взгляд к недавнему прошлому, настоящему и будущему, мы постараемся раскрыть все секреты культурных событий, состоявшихся при участии, либо по инициативе Культурного Центра «Бактрия», так и без её непосредственного участия.

Впервые мы смогли представить некоторые «бактрийские» события в рамках Европейской Недели культуры, в том числе и жителям Согдийской области. Это традиционное и регулярное событие представляет собой целую панораму различных проявлений европейской культуры. В Худжанде, например, состоялось сразу несколько событий, в том числе «Неделя европейского кино» и театральная постановка Барзу Абдураззокова «Исповедь». Также, в рамках арт-практики при поддержке организации «Хивос» и Фонда «Кристенсена» появилась долгожданная возможность показать согдийцам проект «Остановки» Джамшеда Холикова - участника Венецианского Биеннале 2009 года. В рамках этой серии культурных событий, прошедшая в Табашаре арт-резиденция с поэтическим названием «У подножия Кураминского хребта» заложила основу для создания мультимедийной экспозиции в местном Доме Культуры.

Нужно отметить недавнее завершение масштабного проекта «Сохранение традиционной музыкальной культуры через участие местного сообщества», при поддержке Фонда Посла США по сохранению культурного наследия и Института «Открытое Общество» Фонд Содействия - Таджикистан. В одном из ближайших выпусков мы детально осветим этот проект во всей его уникальности.

Также, уже совсем скоро, мы сможем представить вашему взору объекты паблик арта в рамках проекта, куратором которого выступил Кендал Генри. Сейчас известные художники из Таджикистана ведут активную творческую работу и готовятся представить свои творения широкой публике.

Открытая лекция Оксаны Шаталовой (куратор, художник, Казахстан) в рамках летней школы «Ориентирование на местности»

Команда «Бактрии»

Там где встречаются люди и творчество

www.bactria.net

Редактор: Анна Басанова
Перевод: Сухроб Мирзоалиев, Кирилл Кузьмин
Дизайн: Антон Рухлов
Фотографии: Джамшед Холиков, Антон Рухлов
Мнение авторов не всегда совпадает с мнением команды «Бактрии»

«Увидеть музыку»

Печатное слово – друг историка – позволяет нам сегодня, как, впрочем, и всегда, вспомнить столь недавние и весьма впечатляющие события культурной жизни Таджикистана и наконец-то надлежащим образом зафиксировать их на бумаге. Эти события стимулировали наш слух завораживающими звуками музыки. Именно Душанбе в 2010 году стал тем городом Центральной Азии, где имели место смелые и изысканные художественные эксперименты музыкантов и художников видео-art.

О чём же идёт речь? Кто эти смелые музыканты? Кто эти рыцари видеокамеры и визуальных спецэффектов, бросившие вызов серости и обыденности нашего повседневного звукового и визуального бытия под экспериментальную музыку в стиле джаз? В те памятные летние и осенние дни электронная музыка, джаз и древние мелодии таджиков составили основу для совместного вдохновения музыкантов из Франции и Таджикистана.

Композиции французских участников этой уникальной творческой лаборатории звучат как живая импровизация, исполненная на саксофоне и трубе, на основе заранее записанных и обработанных вокальных и музыкальных отрывков – сэмплов, отсылающих сознание слушателя к воспоминаниям, впечатлениям и событиям

общественной жизни. В сочетании с таджикскими мелодиями и глубокими по содержанию классическими поэмами на фарси, в исполнении музыкантов из групп «Мизроб» (Икбол Завкибеков, Зариф Пулодов) и «Само» (Шанбе Мамадгаминов, Файзмамад Назариев, Шавкмамад Пулодов), эти сочинения, стали, по сути, гораздо богаче и необычнее. Благодаря использованию особых электронных устройств для обработки звука, непосредственно на концертах рождается новое звучание привычных инструментов и песен. Так, после репетиций и концертов, Файзмамад Назариев из группы «Само» делился с нами своими воспоминаниями о пении в Памирских пещерах, когда голоса певцов эхом отражались от каменистых стен пещер и затихали в их тёмных глубинах. Именно этого эффекта, завораживающего слушателей, добились теперь на сцене Ив Дормуа и Антуан Бержо (Франция), исполнители джаза и электронной музыки.

Не только слушатели остались под впечатлением серии концертов, проведённых при поддержке Представительства Европейской Комиссии и Посольства Франции в Республике Таджикистан в рамках «Европейской Недели» и «Дня Музыки». Сами музыканты, как французы, так и таджики, были под впечатлением музыкального богатства той программы,

«Сияние музыки» в театре Маяковского

«Увидеть музыку» продолжение...

которую они совместно разработали. Джазмены из Парижа были очарованы фонетической магией таджикского языка и классических поэм на фарси.

Этот смелый музыкальный эксперимент вдохновил также и таджикских художников современного искусства Джамшеда Холикова и Алексея Румянцева. Задолго до приезда Ива Дормуа и Антуана Бержо, они начали прослушивать их музыкальные темы, разрабатывать визуальный ряд и творческие приёмы, которые помогли им в импровизационном режиме вживую выразить в видео-art композиции ту самую «Вибрацию музыки», ставшую впоследствии основой для коллективного творчества музыкантов из Таджикистана и Франции.

Художники настолько прониклись музыкой Ива Дормуа и Антуана Бержо, что собрали из картонных упаковок объёмный макет многоэтажного здания, который затем, для нужд искусства, сожгли. Многие часы подготовки, съёмки и монтажа не пропали даром: уже 17 июня 2010 года тем немногим зрителям, которым удалось втиснуться в весьма скромный по размерам кинозал Культурного Центра «Бактрия», посчастливилось стать свидетелями первого в Центральной Азии визуального эксперимента. Концерт французских исполнителей электронной музыки и джаза неожиданно для них самих получил ещё одно измерение – визуальное. Уникальность этого события заключалась в следующем – впервые видео-art

рождался в живую, непосредственно в концертном зале, по мотивам исполняемых музыкальных произведений.

На волне энтузиазма, со стороны, как зрителей, так и творческой команды, этот визуально-музыкальный импровизационный эксперимент был повторён перед широкой публикой 23 октября 2010 года в стенах Русского Драматического театра им. Вл. Маяковского, но в гораздо более полной и изысканной форме. В тот день, музыкальная программа, состоящая из электронных тем в джазовой обработке в сочетании с восточными мелодиями и ритмами, которыми столь богат Таджикистан, сопровождалась, к радости душанбинских любителей искусства, импровизационным видео, создававшимся прямо на сцене.

Визуальное представление в жанре импровизации непосредственно на концерте, вживую, создавалось современными художниками из Таджикистана впервые в Центральной Азии. Залогом появления столь оригинальных творческих идей является важный для «Бактрии» принцип художественной лаборатории – создание максимально комфортных условий для совместной работы приглашённых музыкантов и художников с их таджикскими единомышленниками, обогащая этим самым культурный ландшафт страны.

Кирилл Кузьмин
координатор музыкальных проектов

Концерт «Сияние музыки» на «День Музыки»

«Художественное образование в Центральной Азии. Наброски к решению проблемы».

Арт-образование как проблема

Первым этапом двухгодичного проекта Художник-Общество стало проведение региональной летней школы современного искусства для молодых художников и интеллектуалов Ориентирование на местности. Это событие собрало в Душанбе около двадцати молодых людей из четырех стран региона, а также около десятка ведущих активистов региональной арт-сцены, выступивших в качестве лекторов и ведущих семинаров. В этой заметке, отталкиваясь от события летней школы, мне бы хотелось поговорить о художественном образовании в ЦА как о проблеме. Понимание того, что художественное образование является проблемой для динамичного и разностороннего развития художественного процесса в регионе, стало для меня очевидным во время работы в «Бактрии». Формулируя программную задачу своей деятельности как развитие и продвижение инновационных художественных практик в среде молодых и начинающих (emerging) художников мы всегда испытывали определенные трудности с реализацией этой цели, в первую очередь, с откликом в среде этих самых молодых и начинающих. Это было особенно странно, т.к. готовя какой-то отчет, мы выяснили, что в течение одного учебного года в средне специальных и высших учебных заведениях страны специальность художника получают около 200(!) человек. Таким образом, перед нами стал выбор, либо планировать художественную политику культурного центра на уровне отчетных выставок полусувенирной живописной продукции, либо начать каким-то образом мотивировать альтернативный художественный процесс и ориентироваться не столько на яркие художественные события, сколько на образовательную и просветительскую работу. Мы выбрали последнее, и в течение двух лет провели серию различных образовательных проектов, кото-

рые включали семинары для арт-критиков и журналистов с Оксаной Шаталовой, лабораторию молодых художников «Оригинальная копия» с Даной Сафаровой, цикл лекций по истории европейского искусства и литературы, которые читали Лариса Додхудоева и профессор Александра Леонидовна Спектор, воркшопы американских художников Марты Джексон Джарвис и Кендала Генри. На определенном этапе мы серьезно задумались над институционализацией всех наших образовательных инициатив, и возникла идея создания регулярного образовательного проекта – школы современного искусства. Однако этому проекту в его первоначальном замысле не суждено было сбыться. Между тем, в «Бактрии» сейчас реализуются два проекта, в которых присутствует серьезный образовательный компонент, и эти проекты, с одной стороны, подводят итог всем предыдущим образовательным инициативам, а с другой, задают основу, платформу для последующих. Речь идет, собственно, о проекте «Художник-Общество» и о медиа-студии под руководством Джамшеда Холикова.

Предпосылки

Художники, которых можно отнести к первому поколению, или первой волне, современного ЦА искусства, начинавшие свои практики в 1990-х годах или в самом начале 2000-х, как правило, имели традиционное художественное образование. Они учились на живописцев, скульпторов, сценографов и т.д. в ведущих вузах своих республик или в Москве. В числе наиболее престижных школ были Суриковский институт, ВГИК или Школа-студия МХАТ. Становление современным художником для этого поколения авторов было неотделимо от процесса переосмысления-преодоления своего академического художественного образования. Современные художественные практики для этих художников стали чем-то вроде фрейдовского отцеубийства. Самой актуальной была борьба с

«Мутации» Ербола Мельдибекова

«Художественное образование в Центральной Азии.

Наброски к решению проблемы». *Продолжение...*

медиа. Необходимо было освоить новые формы выражения, отказавшись или переосмыслив те, которые осваивались в школах и институтах. Определенная саморефлексия этого процесса присутствует в работах многих художников этого поколения. Например, казахстанский художник Ербол Мельдибеков учился на скульптора. Выбор специальности молодым парнем из села был вполне прагматичным – на этом отделении учат ваять вождя мирового пролетариата, самый востребованный в стране скульптурный образ. Семья не пожалела целой коровы, чтобы обеспечить поступление сына на престижное отделение, понимая, что одна голова скота окупится с лихвой одним госзаказом на голову вождя. Но, мечтам о госзаказах не суждено было сбыться, так как страна распалась, и навыки ваяния вождя фигурки оказались бесполезными. Этот травматический опыт, связанный с образованием, находит определенное отражение в проекте Ербола «Мутации», частью которого являются трансформированные ударами молотка бюсты Ленина, «мутировавшие» в подобия Чингисхана или Патриса Лумумбы. Образ, символизирующий для автора полученное им образование, подвергается прямому физическому воздействию, практически буквальному убийству. Конечно, в основном проект Ербола не про его образование, хотя приведенные мною выше мотивации он эксплицирует в связи с этой работой, но этот пример, по моему, яркая иллюстрация роли художественного образования для художников старшего поколения.

Для самого молодого поколения художников, для тех, кому сейчас двадцать с небольшим лет, проблема с образованием выглядит совсем по-другому. Художественное образование, оставшееся в наследство от Советского Союза, и считавшееся престижным полностью себя дискредитировало. Я думаю, что даже не стоит перечислять все проблемы художественных училищ и институтов в ЦА республиках, где-то ситуация с преподавателями, материальной базой и т.д. лучше, где-то хуже, но дело не только в этом, в первую очередь, это образование советского образца что называется «морально устарело». И это касается не только ЦА, собственно, и центральные

московские школы советского происхождения за очень редкими исключениями заслуживают какого-либо доверия. Один мой американский знакомый художник и куратор, довольно тесно вовлеченный в ситуации в России и ЦА, выдал примерно такую характеристику: если в России в художественных школах еще очень сильна традиция рисунка и композиции, то в ЦА плохо дело даже с этим.

Молодые авторы, которые сегодня делают что-то более или менее заметное на художественной сцене, либо вообще не имеют профессионального художественного образования, либо получили или получают его формально, с одной единственной целью – иметь диплом. Понятно, что такое образование не имеет особого значения в их художественных практиках. Не имея за спиной «школы», воспитывающей трепетное отношение к традиции, канону, средству выражения как таковому, молодые художники демонстрируют более непринужденное, я бы сказал легкое отношение к медиа. Это, например, выражается в междисциплинарности их практик, которые включают одновременно визуальные медиа – фотографию, видео, а также театр и литературу. Примером такого междисциплинарного подхода могут служить практики бишкекского художника Марата Райымкулова. По образованию Марат физик, причем не оставляющий попыток выстроить научную карьеру, - до недавнего времени он учился в аспирантуре. Практики Марата – это пересечение бумажной и

«Рыбаки» Марата Райымкулова

цифровой графики, театра и литературных попыток. Источником вдохновения для него служат театр абсурда и экзистенциальные литературные тексты Гоголя, Кафки, Дюррнематта, которые он иллюстрирует, или идеи, образы и проблематики которых развивает в своих рисунках, анимационных фильмах или театральные проекты. Проект Марата «l'innommable» будет представлен в ЦА Павильоне на Венецианской биеннале в этом году.

Однако очевидно, что искусство сегодня представляет собой сложную и неоднородную дисциплину, предполагающую владение не только, и даже, наверное, не столько, практическими навыками работы с медиа, сколько владением, а точнее погружением в, то, что называется дискурсом, который создается вокруг искусства самими художниками, кураторами, теоретиками и философами, и определяет мотивации и стратегии художественных практик. Понятно, что традиционное художественное образование ничего подобного предложить не может. Но какова альтернатива традиционному образованию в регионе?

Альтернативы

Проблема художественного образования актуальна не только для нашего «региона-пустыни». Вопрос, каким должно быть современное художественное образование актуален и для западного контекста. Однако в Европе, США и ряде других стран, эта дискуссия имеет теоретический характер, т.к. практически у любого человека, который хочет посвятить себя занятиям искусством есть большой выбор школ, которые, могут предложить ему конвенциональное образование, стоящее и престижное для развития карьеры галерейного художника, или альтернативное и инновационное, которое позволит проторить дорожки в среде культурных центров и некоммерческих институций. Это образование может развивать узкие практические навыки, а может быть теоретическим и исследовательским. В любом случае, художественное образование, как и художественная жизнь, являются гетерогенными средами, и молодому человеку необходимо только не ошибиться с выбором, но даже если ошибешься – не страшно, можно поучиться где-нибудь еще.

В ситуации ЦА попытка создать какую-то устойчивую образовательную институцию, будет означать ориентирование всех ресурсов, человеческих и финансовых, на одну модель, один формат художественного образования, которому будет очень сложно предложить альтернативу, в ситуации малочисленности художественного сообщества, - как тех, кто хочет учиться, так и тех, кто может учить, а также крайне ограниченных возможностей поиска финансирования.

Поэтому на вопрос об альтернативе традиционному академическому образованию в ЦА мой ответ будет коротким, и, наверное, для многих разочарываю-

щим – самообразование. Роль институций должна заключаться, в первую очередь, в понимании ситуации с художественным образованием именно, как ситуации определяемой самообразованием, и попытками на эту ситуацию реагировать, проектами, способствующими возможностям самообразования и всестороннего доступа к различным ресурсам. Если выразиться более ясно, то существующие художественные институции должны стремиться не к созданию централизованной образовательной структуры, а, наоборот, к мобильности и децентрализованности. Открытые лекции, серии семинаров, воркшопы и резиденции, на мой взгляд, более продуктивная стратегия в отношении образования. Безусловно, для людей, стремящихся получить знания и навыки, самообразование сложный и трудоемкий процесс, который предполагает наличие не только желания, но и самодисциплины, а также хотя бы самых основных ориентиров – в каком направлении двигаться.

Здесь, я вернусь к летней школе проекта «Художник-Общество». При планировании этого события, мы исходили из озвученных мною выше предпосылок. Название школы «Ориентирование на местности» метафорически выражает эти самые предпосылки. Задачу, которую мы для себя формулировали, заключалась в том, чтобы представить нашим слушателям что-то вроде «карты», которая поможет им в дальнейшем ориентироваться в современном художественном процессе самостоятельно. У этой школы была очень важная особенность – она в первую очередь носила теоретический характер, и была ориентирована на чтение. Нам было важно ввести слушателей в корпус базовых текстов и авторов, оказавших исключительно важное влияние на художественный процесс в XX и текущем веке. Это предполагало обзорные курсы, посвященные проблематике репрезентации, философскому осмыслению технических средств выражения, подходам к критике и интерпретации искусства, проблематике локального vs. глобального.

Этот наш подход вызвал как поддержку, так и критику в региональной художественной среде, что демонстрирует наличие различных взглядов и подходов к проблеме образования. Я считаю, что разнообразие и противоречие подходов – это признак живой среды, и для меня это является еще одним подтверждением, что попытки централизованно решать проблему художественного образования окажутся контрпродуктивными. Спорадические и разнообразные проекты, конечно, не могут способствовать системной и единообразной, школьной, в хорошем смысле, образованности, скорее, порождая, коллажированность, метиссажность восприятия, подходов и стратегий, но может быть, в этом и есть современность...

Георгий Мамедов,
куратор проекта «Художник-общество»

«Бал на все времена...»

Меняется мода на одежду, музыку, танцы. Не меняются только люди. Сначала – довоенная Франция, где каждый вечер жители ближайших кварталов собирались, чтобы отдохнуть, немного выпить, потанцевать. Завязывались знакомства, создавались семьи, рушились чьи-то надежды. В общем, шла нормальная человеческая жизнь. И вдруг — война... Кто-то идёт в сопротивление, кто-то попадает в гетто. А кто-то, тот, с кем ты вечерами, за разговором, пропускал рюмку-другую, оказывался предателем.... А время всё течёт, снова меняются ритмы танцев и наряды танцоров. Война окончена! И те, кого ещё недавно боялись, сегодня вытолкнуты из общего круга, они отвергнуты, презираемы всеми.

Снова меняется музыка и слова песни, проходя сквозь время. И люди кружатся в нескончаемом танце жизни. Кто-то уходит с площадки, кто-то приходит. Меняются поколения и кумиры. Меняется одежда, причёски, ритмы, танцы. Вот бурные шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые сменяют друг друга. Рок-н-ролл, латиноамериканский ритм, танго и вальс, «Битлз», диско.... В нескончаемом танце они сменяют друг друга, танцоры меняют партнёров, а свитера – на яркие рубашки с блёстками. И продолжается танец – жизнь под музыку, где есть счастье и беда, любовь и одиночество. Где у каждого – своя судьба и своя партия в этом бесконечном танце жизни....

Но вот музыка смолкает, танцоры расходятся, гаснет свет. Но завтра они вернуться и танцы продолжатся. Ведь у этого танца не бывает конца.... Просто время в очередной раз поменяет ритмы, стили и одежду. Но сам танец будет продолжаться, пока в этот зал будут приходиться люди, и танцевать, танцевать, танцевать...

Вся наша жизнь — музыка. Но, если задаться целью и представить историю страны в музыкальных сюжетах, то, оказывается, обладая хорошим вкусом, можно это сделать достаточно оригинально и изысканно. Картина, в которой в течение полутора часов не произносится ни одного слова, по праву принадлежит к высочайшим образцам мирового кинематографа. И ведь это не немое кино, в котором диалоги всё равно подразумеваются, хотя их и не слышно. Безусловно, представлены довольно узнаваемые, кочующие по времени, людские характеры в исполнении одной и той же группы актёров. Однако, упор сделан не на игру характеров, а на драматургию целой эпохи 20-го века с её вереницей бурных событий, окрашенных соответствующими каждому периоду времени музыкальными ритмами. Тут скорее представлена не история Франции, а история музыки, разнообразные её жанры, доминирующие в том или ином отрезке эпохи, по которым мы эти периоды узнаём: от вальса и танго до рок-н-ролла 50—60-х и диско 80-х годов. И, безусловно, национальный колорит французских мелодий придаёт визуальному ряду особое представление, апеллируя не только к музыкальной памяти зрителей, но и к ситуациям, знакомым по каким-то старым лентам.

Передать время посредством танца хотели бы, наверное, многие, ноне всякому это под силу. Тут необходимо иметь особое чутьё, нетрадиционный взгляд, нестандартное мышление. Когда смотришь на это представление, то понимаешь, что диалоги здесь и не нужны. Они свели бы драматургию фильма к отдельным разборкам между людьми, конфликтам мелкого масштаба, которые шивать между собой музыкальными номерами было бы, наверное, проблематично и, скорее всего, неправильно. Ведь даже мюзикл подразумевает собой какую-то одну тему, в том числе и в музыкальном оформлении действия.

Здесь же объявлен бал на все времена. Приглашённые на него представители разных поколений веселятся, как говорится, всякий раз по-своему. Кому-то важен собственный лик, кому-то – возможность выявить недостатки партнёра, а остальным — общий формат большого праздника, где всегда, даже в самые трудные моменты жизни, можно танцевать. И это ли не главное, когда, хоть на мгновение, отворачиваешься от политических и житейских дряг и танцуешь.

Вся наша жизнь — это бал!

Кадр из фильма «Бал»

Сухроб Мирзоалиев, менеджер ресурсного центра